

**А.И. Смирнова,
В.С. Симкина**

Философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня»

В статье выявляются философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня», которые определяются комплексом гносеологических представлений, связанных с буддизмом, солипсизмом, экзистенциализмом и постмодернизмом. Архитектоника «Священной книги оборотня» подчинена излюбленному пелевинскому «сюжету просветления» и «движения к освобождению», что позволяет рассматривать данный текст как дзен-буддистский трактат. В произведении также актуализируются постмодернистская концепция симулятивной действительности, представление о мире как производном индивидуального сознания и экзистенциальное восприятие тотального абсурда бытия.

Ключевые слова: философские интенции; В. Пелевин; трактат; иллюзия; абсурд.

«Священная книга оборотня» (2004) наряду со сборником «ДПП (NN)» (2003) знаменует переход В. Пелевина к новой фазе творчества, или к освоению новой «пограничной зоны» — «предгламурия» (К. Фрумкин [8]). Конститутивными проблемами, поднимаемыми писателем в текстах 2000-х гг., становятся проблемы общества массового потребления и гламура как идеологии современности (поворот автора в сторону бутафорского глянца и тотального консьюмеризма был намечен уже в «Generation “П”»). Тем не менее новый виток в текстах В. Пелевина 2000-х гг. получает концепция имажинированного частным сознанием пустотного мира, артикулируемого писателем в духе буддизма и восточной эзотерики, что позволяет исследователям рассматривать его тексты как завуалированные *трактаты*. «Последние вещи Пелевина — не столько романы в классическом смысле этого слова, сколько замаскированные под романы трактаты, те же “Диалоги Платона”» [4: с. 222], что подтверждается и анализом романа «Священная книга оборотня». Архитектоника произведения подчинена излюбленному пелевинскому «сюжету просветления», именно поэтому данный текст ближе всего стоит к «Чапаеву и Пустоте», признанному философской пропедевтикой буддизма (С. Корнев).

Главная героиня «Священной книги оборотня», лиса А (по-китайски «А Хули»), зарабатывает на жизнь тем, что насылает на богатых мужчин наваждение, любовную иллюзию, одновременно усваивая человеческую сексуальную энергию, которая выделяется во время воображаемого полового

акта. Инструментом, регулирующим силу внушения, своеобразной антенной оказывается лисий хвост. Таким образом, осуществляется *трансформация восприятия* клиентов лисы: оборотень воздействует на сознание мужчин, заставляя их видеть то, что ей хочется. «Наведенный ею морок становится для них абсолютно реален» [7: с. 286].

Но в ходе повествования выясняется, что лиса, уверенная в том, что напускает миражи на окружающий мир, на самом деле все это время морочит саму себя. На то, что оборотень оказывается такой же иллюзией, симулякром, как и производимые ее хвостом любовные химеры, указывает распадающийся на несколько составляющих образ героини: лиса предстает в ипостаси возвышенной девушки А Хули, две тысячи лет назад вступавшей в фиктивные связи с китайскими мудрецами и поэтами; нашей соотечественницы «лисы А» с поддельным паспортом на имя Алисы Ли; наконец, современной модификации набоковской Лолиты, подростка по имени Адель, очаровавшей генерал-полковника ФСБ Сашу Серого.

Мерцающим, ускользающим оказывается и облик лисы, для которого характерно наличие органов-симулякров. Так, на месте половых органов у оборотней расположена «рудиментарная впадина, эластичный кожаный мешок, не соединенный ни с какими другими органами. <...> Он играет в анатомии лис такую же роль, какую специальный полый цилиндр из пластмассы играет в экипировке работников обезьяньего питомника» [7: с. 145–146], т. е. защищает оборотней от нападения других самцов, а не служит для размножения. Ум лис также оказывается не настоящим «органом мысли»: «Если нам говорят что-нибудь запоминающееся, мы почти всегда повторяем это в разговоре с другими. <...> Лисий ум — просто теннисная ракетка, позволяющая сколь угодно долго отбивать мячик разговора на любую тему. Мы возвращаем людям взятые у них напрокат суждения — отражая их под другим углом, подкручивая, пуская свечой вверх» [7: с. 175]. Более того, время не властно над лисой, в ее арсенале множество «симулякров души», и независимо от бега времени она (а вместе с ней и бесхвостая обезьяна, как обозначает человека героиня) предъясвляет людям «новый симулякр души»: «Чтобы угодить современникам, мы подгоняем себе под личико новое «я», совсем как сшитое по другой моде платье» [7: с. 13].

Итак, «рабочая личность» Адель представляет собой конфигурацию симулякров, призванных помочь лисе мимикрировать не только под обличье людей, которых фольклорная плутовка практически водит за нос, но и под ход их мыслей. Как точно отмечает культуролог И. Каспэ [6], «их (пелевенских героев. — А.С., В.С.) неустойчивая идентичность давно перестала быть драмой и превратилась в профессию» [5]. Так, в тексте романа актуализируются постмодернистские представления о существовании личности в поле тотальной симуляции: «Впрочем, мимикрия это только для лис. Для человека это судьба» [7: с. 13].

Наконец, на стадии супрафизической трансформации, которую принимает лиса во время охоты, расставаясь на время с человеческим обликом и уподобляясь внешне «своим диким сородичам», Адель замечает, что поток гипнотической энергии, которую она посылает при помощи хвоста в окружающий мир, на самом деле направлен на нее саму. Следовательно, оборотни (как и люди) в действительности подвержены *восприятию трансформации*: «Они создают иллюзию не для других, а для себя. И верят в нее до такой степени, что иллюзия перестает быть иллюзией» [7: с. 187]. Так в текст романа вводится буддистский мотив иллюзорности бытия.

Согласно Пелевину, западное общество, являющееся производителем и потребителем иллюзии, погружено отныне лишь в *имитацию имитации*, ставшую основой существования «человека рыночного»: «Знаешь, в чем тайный ужас здешней жизни? Когда ты покупаешь себе кофточку, или машину, или что-то еще, у тебя в уме присутствует навеянный рекламой образ того места, куда ты пойдешь в этой кофточке или поедешь на этой машине. Но такого места нет нигде, кроме как в рекламном клипе, и эту черную дыру в реальности оплакивают все серьезные философы Запада» [7: с. 179]. Следовательно, личность, погруженная в пространство гиперреальности, не осознает призрачности и зыбкости своего существования и живет в искусственной реальности, навязанной ей кем-то извне. Неведение (*авидия*) лежит в основе трагедии человека. Так, в тексте реализуется Первая благородная истина буддизма — о страдании и Вторая благородная истина — о причине страдания.

Приводимое в тексте прямое упоминание Первой благородной истины буддизма о том, что «*жизнь есть духа, томление и боль*» [7: с. 159], «встраивает» в себя представление об истинной природе мира, которую Лиса А за просто открывает водителю такси:

- У тебя ничего приятного нет в жизни?
- Нет, — сказала я. <...>
- Что ж, одно страдание?
- Да. И у вас тоже.
- Ну, — засмеялся таксист, — об этом ты знать не можешь.
- Могу. <...> Ясно ли вам, что страдание и есть та материя, из которой создан мир? [7: с. 47].

Как мы видим, вектор буддистского философствования в текстах В. Пелевина пересекается с экзистенциальными представлениями о страдании как основном принципе существования человека «в мире».

Экзистенциально-буддистские интенции реализуются и в концепции неведения, заблуждения человека относительно организации окружающей его действительности, в основе которой лежит тотальный, всепроникающий абсурд. Так, Пелевин профанирует современную российскую реальность, выявляя парадоксальность ее общественно-политического устройства, представленного бизнес-комьюнити и «аппаратом»: «Первые дают воровать вторым

за то, что вторые дают воровать первым» [7: с. 112]. Именно поэтому символом бескрайнего абсурда жизни в тексте романа становится уроборос — змея, кусающая себя за хвост.

Мыслительный гештальт производства иллюзорной действительности Пелевина, эксплицируемый в тексте посредством изображения двух типов оборотней (волков и лис), в конечном счете проецируется и на людей. Выясняется, что у «бесхвостых обезьян» на самом деле есть хвост, и этот «хвост» — язык. Подобно тому, как реликтовое излучение лисьего хвоста порождает весь этот мнимый, фантомный мир, так и человеческий язык в состоянии лишь плодить нескончаемые иллюзорные пустые формы: «У тебя останутся мертвые корки слов, а ты будешь думать, что в них по-прежнему что-то завернуто. Так считают все люди» [7: с. 331]. И далее: «Так уж устроен язык. Это корень, из которого растет бесконечная человеческая глупость. И мы, оборотни, тоже ею страдаем, потому что все время говорим. Нельзя открыть рот и не ошибиться» [7: с. 391]. Симптоматично в этой связи высказывание А. Вознесенского о том, что «Священная книга оборотня» — «прежде всего книга Языка. И о языке» [2]. Как известно, проблема языка в постмодернизме является основополагающей, весь мир мыслится постфилософами как языковая структура, а восприятие вещи формируется индивидом посредством языка. Соответственно, Пелевин в своих текстах радикализирует презумпцию миро-моделирующей функции языка.

В его романах можно наблюдать конъюнктивное соединение разных философских систем, ни одна из которых не является ведущей, но наряду с другими формирует репертуар смыслов творчества Пелевина. В «Священной книге оборотня» между собой «коммуницируют», прежде всего, буддистские и постмодернистские философемы, порождая эффект «умного смеха»: «Присутствие разнообразных “буддийских персон” (особенно это очевидно в “Священной книге оборотня”) не приводит к появлению однозначно восточного вектора текста и вступает во взаимодействие с жанром анекдота. Но тут же следует заметить, что В. Пелевин, хорошо знающий восточную философию и структурно-функциональное действие восточной словесности, соединяет анекдот с дзен-буддистским жанром коана, создавая эффект “умного смеха”, когда читатель, посвященный (даже весьма условно) в тайны внеритуальных “религий просветления”, использует юмор для отторжения» [1: с. 7].

Другой, менее явной для исследователей романа «Священная книга оборотня», философской составляющей текста становится солипсизм, или субъективный идеализм. Героиня пелевинского текста, уже в самом начале повествования задумывается о субстантивировании собственных идей в момент их обдумывания: «Так не состоят ли мои неразрешимые проблемы единственно в том, что я про них думаю, и не создаю ли я их заново в тот момент, когда про них вспоминаю?» [7: с. 10]. Показательно непосредственное обращение нарратора в тексте к авторитету ирландского философа Д. Беркли, мыслящего

мир как комплекс идей: «Он говорил, что существовать — значит восприниматься и все предметы существуют только в восприятии. <...> Это, на мой взгляд, единственная верная мысль, которая посетила западный ум за всю его позорную историю; всякие Юмы, Канты и Бодрийяры лишь вышивают суетливой гладью по канве этого великого прозрения» [7: с. 284].

Главный вопрос, который занимает героев романа, связан с пришествием в этот мир сверхоборотня и с попыткой понять его природу. Каждый из персонажей предлагает свою версию и свое понимание данного явления. Так, одна из сестриц-оборотней, лиса И, видит в сверхоборотне нового мессию, который «искупит лисьи грехи и сделает наши души чистыми, как в самом начале времен» [7: с. 167]. Мистик Лорд Крикет, супруг и одновременно добыча самой коварной и кровожадной из сестричек лис, мыслит сверхоборотня как психоэнергетическую структуру, которая совершает движение кундалини по трем нижним чакрам, достигая «позиции лисы», «позиции волка» и «пропасти». Конечной целью такого движения является «единение с божеством, богоподобие» [7: с. 231] — только наоборот («“Бог” по-английски “God”. Если вы прочтете “God” наоборот, у вас получится “Dog”, собака. Вы понимаете, что такое совпадение — не простая случайность» [7: с. 231]), т. е. превращение в «энергетическую черную мессу» [7: с. 232]. Возлюбленный А Хули, волк-оборотень Саша Серый, вписывает свое понимание сверхоборотня в нордический пантеон: он видит в себе Фенрира, огромного волка, который призван «догнать солнце и пожрать его» [7: с. 148], а кроме того, истребить богов. Наиболее приближенную к буддистской интерпретацию явления дает Адель: «Каждый из нас может изменить себя, выйдя за собственные пределы. В этом и смысл выражения “сверхоборотень” — тот, кто вышел за свои границы, превзошел себя. Сверхоборотень приходит не с Востока и не с Запада, он появляется изнутри» [7: с. 167]. И далее лиса обозначает путь, по которому следует идти, чтобы достичь совершенства: «1) милосердие; 2) непричинение зла слабым этого мира, животным и людям — хотя бы тогда, когда можно этого избежать; 3) самое главное, стремление понять свою природу» [7: с. 167]. Так, в текст имплицитно вводится Третья благородная истина буддизма — о прекращении страдания и Четвертая благородная истина — о пути.

Лиса А, совершающая свой путь уже несколько тысячелетий (на что указывает нравственный облик Адель в противоположность ее сестрам: невыразимые муки совести, а также духовные практики, медитации, самыми примечательными из которых становятся «созерцание ума» и «созерцание сердца», а также «хвост пустоты»), решается на открытие сокровенной сути своему возлюбленному, Саше Серому. Главная идея, которую стремится пробудить в сознании своего избранника Адель, заключается в том, что «все без исключения является пищей осознания» [7: с. 326], порождением нашего собственного разума (гибридизация буддистских и солипсистских установок). В романе возникает буддистский *мотив жизни как сна*: «Сон есть, а тех, кому он снится — нет. То есть они тоже элемент сна. Некоторые говорят, что сон

снится сам себе. Но в строгом смысле “себя” там нет» [7: с. 328]. Созвучен с ним и традиционный для литературы *мотив игры*: «...когда-то в детстве мы жили в огромном доме и играли в волшебные игры. А потом так заигрались, что сами поверили в свои выдумки — пошли понарошку гулять среди кукол и заблудились, и теперь никакая сила не вернет нас домой, если мы сами не вспомним, что просто играем. А вспомнить про это почти невозможно, такой завораживающей и страшной оказалась игра...» [7: с. 363]. Адель подсказывает Александру, что для того, чтобы завершить «прогулку по саду иллюзорных форм», заблуждающемуся уму необходимо осознать свою истинную природу. И этой истиной оказывается Ничто, Пустота.

Обозначенный буддистский мотив пустоты (*шуньяты*) восходит к постулату из Сутры Сердца, которая гласит: «Форма есть пустота, а пустота есть форма» (важнейшее положение высшей просветленной мудрости дзен-буддизма — *Праджни*). Соответственно, в сутре содержится указание не только на изначальную иллюзорность и пустотность всякой формы, но и на конструктивный потенциал Ничего: пустоте можно придать любую форму, сотворив собственную вселенную. Значит, и избранным, способным приобрести статус «сверх» в потенции, является каждый из нас:

— Может, ты сама скажешь, что такое сверхоборотень?

— Сверхоборотень — это тот, кого ты видишь, когда долго глядишь вглубь себя.

— Но ведь ты говорила, что там ничего нет.

— Правильно. Там ничего нет. Это и есть сверхоборотень.

— Почему?

— Потому что ничего может стать чем угодно [7: с. 387].

Помимо прочего, лиса А делится с читателями тайным учением, которое ей передал несколько тысячелетий назад Желтый Господин. Учение, призванное спасти оборотней (человечество) и привести их к освобождению, звучит следующим образом: «Радужный Поток — это конечная цель сверхоборотня. Сверхоборотень — оборотень, которому удастся войти в Радужный Поток» [7: с. 380].

Лисе, осознавшей, что весь этот мир она внушает себе своим хвостом, оставалось только подобрать ключ к Радужному Потoku и наконец войти в него. И этим ключом, несмотря на предательство Александра, ставшего сверхоборотнем на примитивном уровне (превратился в черную пятилапую собаку с обценным именем на «П», которое означает конец всему) и покинувшего героиню, оказывается любовь: «Ничего сильнее этой любви во мне не было — а раз я создавала своим хвостом весь мир, значит, ничего сильнее не было и в мире» [7: с. 397]. И далее: «Любовь была единственной силой, способной вытеснить реликтовое излучение хвоста из моего сознания» [7: с. 397].

Эта пелевинская мысль, довольно новая для его текстов, получила наибольшее признание критики: «Любовь — лучшая отмычка к замку на дверях nirваны!» [3]. И далее: «...Следует обрушить всю мощь любви на орган,

творящий морок и самогипноз. Работа оглушенного органа прервется, тут-то и придет долгожданное растворение в Пустоте» [3].

Благодаря абсолютной любви лиса А не только становится истинным сверхоборотнем, но и достигает состояния *бодхи* — совершенного и полного освобождения, пробуждения.

Таким образом, философские интенции в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня», имеющие под собой разные основания — буддизм, солипсизм, экзистенциализм, постмодернизм, — формируют в тексте пространство игровой поэтики. Однопорядковые модусы пелевинских текстов, такие как «пустота», «ничто», «никто» (категории буддизма), сближаются автором с постмодернистским концептом «симулякр», которому он придает аналогичную смысловую нагрузку (ложная пустая форма, наполненная произвольным смыслом, воплощенная иллюзия). Экзистенциальная модель мира актуализируется автором при обращении к предельно заостренной в романе проблеме абсурдного и парадоксального современного мира и конституирует как смысловую доминанту сюжет «движения к освобождению» от пут гнетущей действительности. Исходя из сказанного, мы можем рассматривать «Священную книгу оборотня» как дзен-буддистский философский трактат, своеобразную инструкцию по тому, как обрести свободу и стать «просветленным».

Библиографический список

Источники

1. Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2015. 416 с.

Литература

2. Безрукавая М.В. Романы В. Пелевина как идейно-художественная структура // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 11–12.
3. Вознесенский А. Дело оборотней в обложках // Ex Libris НГ. 2004. 18 ноября.
4. Володихин Д. Виктор Пелевин. Священная книга оборотня. Модификация [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/5/vo16.html> (дата обращения: 03.05.2016).
5. Галина М. Нежить, которая нас выбирает: Или еще раз о «вампирических романах» Виктора Пелевина // Новый мир. 2013. № 8 (1060). С. 222–229.
6. Каспэ И. Низкий обман, или высокая реальность (рец. на кн. В. Пелевина «Священная книга оборотня») [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ka22.html> (дата обращения: 02.05.2016).
7. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодерн быть русским и классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 244–259.
8. Фрумкин К. От буддизма к капитализму [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pereplet.ru/text/frumkin05ju109.html> (дата обращения: 02.05.2016).

References

Istochniki

1. *Pelevin V.O.* Svyashennaya kniga oborotnya. M.: E'ksmo, 2015. 416 s.

Literatura

2. *Bezrukavaya M.V.* Romany' V. Pelevina kak idejno-xudozhestvennaya struktura // Politematicheskij setevoj e'lektronny'j nauchny'j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2014. № 102. S. 11–12.

3. *Voznesenskij A.* Delo oborotnej v oblozhkax // Ex Libris NG. 2004. 18 noyabrya.

4. *Volodixin D.* Viktor Pelevin. Svyashennaya kniga oborotnya. Modifikaciya [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2005/5/vo16.html> (data obrashheniya: 03.05.2016).

5. *Galina M.* Nezhit', kotoraya nas vy'biraet: Ili eshhyo raz o «vampirskix romanax» Viktora Pelevina // Novy'j mir. 2013. № 8 (1060). S. 222–229.

6. *Kaspe'I.* Nizkij obman, ili vy'sokaya real'nost' (rec. na kn. V. Pelevina «Svyashennaya kniga oborotnya») [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/71/ka22.html> (data obrashheniya: 02.05.2016).

7. *Kornev S.* Stolknovenie pustot: mozhet li postmodern by't' russkim i klassicheskim? Ob odnoj avantюре Viktora Pelevina // Novoe literaturnoe obozrenie. 1997. № 28. S. 244–259.

8. *Frumkin K.* Ot buddizma k kapitalizmu [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pe-plet.ru/text/frumkin05ju109.html> (data obrashheniya: 02.05.2016).

A.I. Smirnova,

V.S. Simkina

Philosophical Intentions in V. Pelevin's Novel «The Sacred Book of the Werewolf»

The article considers philosophical intentions in V. Pelevin's novel «Sacred Book of the Werewolf», which are determined by a complex of epistemological concepts associated with Buddhism, solipsism, existentialism and postmodernism. The architectonics of the «Sacred Book of the Werewolf» is subjected to Pelevin's favorite «subject of enlightenment» and «motion to liberation», which allows us to consider the text as a Zen Buddhist treatise. The text also actualizes the postmodernism theory of simulation reality, the concept of the world as a product of individual consciousness and the existential perception of fundamental absurdity of being.

Keywords: philosophical intentions; V. Pelevin; treatise; illusion; absurdity.